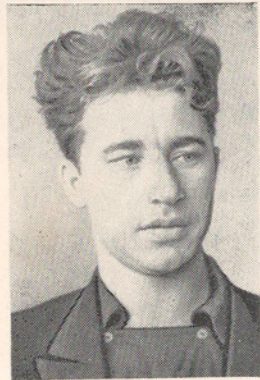

84(286)
119

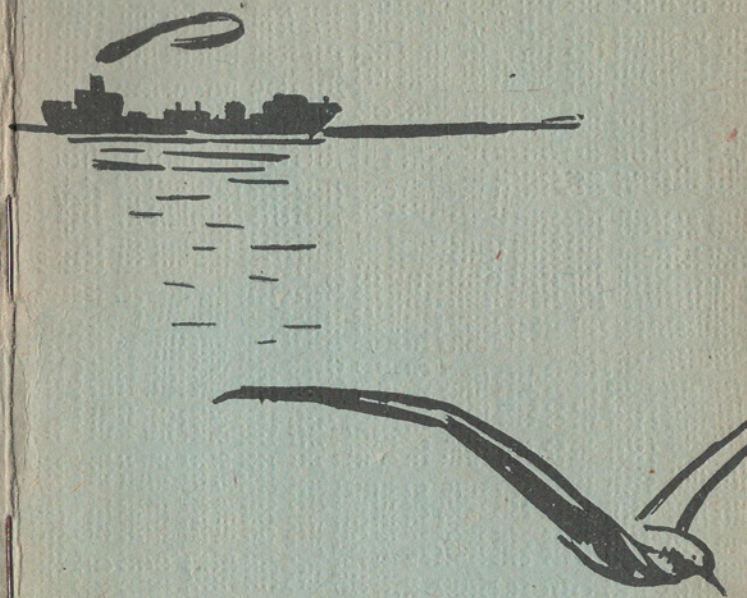
Ю. ЛАКЕРБАЯ

ЭХО
родных
гор

В буйный лес Авадхары
Я б ушел не мешкая,
Но приветливо шумит
Пуща Беловежская,
Но алеет, как гранат,
Красная смородина...
Белорусская земля,
Ты мне — тоже родина!

6 коп.

Σ4(2Рос)
Λ19

Юрий Лакербая

ЭХО
родных
гор

СТИХИ

Государственное издательство БССР
Редакция художественной литературы
Минск 1962

БИБЛИОТЕКА
АВХАЗСКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

10440

Первый сборник своих стихов поэт посвящает величию человеческого разума, покоряющего космос, извечной мечте людской о мире на земле, любви и красоте природы родной автору Абхазии.

НАСЛЕДСТВО

Простой охотник был мой дед.
В черкеске, выцветшей от зноя,
Кроил он седла много лет,
Стрелял он коз у водополя.
Кусок горы — плохой надел,
Здесь камни потом поливали.
А серебро мой дед имел
Ну разве только на кинжале.
Простой охотник был мой дед.
Что мог оставить мне в наследство?
Он ото всех тревог и бед
Лишь труд считал надежным средством.
...На косогоре за версту
Видна могила.
В плоский камень
Лучи заката сквозь листву
Бьют раскаленными клинками.
Хлопочут лозы по весне,
Ползет дорогой скрип аробный,

И осыпает майский снег
Черешня на гранит надгробный.
Пчела, звеня, обходит луг,
И муравью покой не введом.
Живет во мне, живет вокруг
Любовь к труду — наследство деда!

РЫБАКАМ

Ваша жизнь — это промысел грубый,
Маяка настороженный глаз,
Свежим ветром пропахшие губы,
Крупной солью дубленный баркас.
Связки мышц — корневищами дуба.
Море с вами и море за вас!
Бьет волна, высока и бурлива,—
Не порвать ей тяжелых сетей.
Море вам — словно хлебная нива,
Разве только пахать веселей.
Ветер в помощь!
Привет вам, ребята!
Пусть баркас не наскочит на мель,
Пусть улов будет трижды богатым,
Крепче
артель!

ОСЕННЕЕ

В Стамбул укатило лето.
Предгорья — рыжее лис.
И косо летит в кюветы
Тяжелый кленовый лист.

Летят журавли в тумане.
Тревожен прощальный крик.
О теплых губах бараньих
Грустит за хребтом родник.

Из ближних селений рано
Спешит на базар народ —
В корзинках огнем багряным
Пылает созревший плод.

Поток в тесноте ущелья
От ливней глухих окреп,
И весело мелет мельник
Для будущих свадеб хлеб.

КАМНИ АБХАЗСКОГО ПОЛЯ

Стынут на Геге и Рице
Камни, дождями промыты.
Древние, черные лица
Шрамами густо покрыты.
Камни!
Вы знали так много —
И ничего не сказали!
Слишком ревниво и строго
Прошное вы охраняли.
Старые, старые боли
В землю глубоко зарыты.
Камни абхазского поля!
Вы, как надгробные плиты.

ПЕРВЫЙ СНЕГ В ГОРАХ

Я живу у сестры в деревушке глухой.
Путь от города к нам затерялся во мгле...

Выпал снег поутру — он хрустит под ногой,
Первый снег на скалистой абхазской земле.
Сразу стало спокойней и тише в горах.
Жизнь как будто устала, замедлила бег.
Лег на лозы, искрится на серых камнях
И с черешен седых осыпается снег.
Завтра с другом пойдем мы кремнистой тропой
Диких коз пострелять у студеной реки...

Я живу у сестры в деревушке глухой.
Вечерами поют у огня пастухи...

ОЛЕНЬ ПОСЛЕ БОЯ

Проходит олень к водопою
Мимо зеленых дерев.
Долго гремит над тропкою
Трубный прерывистый рев.

Рвет паутину рогами,
Смотрит устало и зло.
Ветки хрустят под ногами,
Ходят бока тяжело.

Мчится поток в отдаленьи,
Бьет в ноздреватый гранит...
Бурая шкура оленья
Рваною раной дымит.

Завтра он в просеках влажных
Самки отыщет следы.
Мучают рана и жажда...
Только б дойти до воды!

САМШИТ

Самшита куст, зеленый друг,
Из детства он недавнего.
Вдали от любопытных рук
Стоит, вцепившись в камни он.

Ему все беды по плечу —
Пророс из недр гранитовых.
В мой трудный день я быть хочу
Хоть веточкой самшитовой.

СТАРЫЙ ЗВАНБА ПУСТИЛСЯ В ПЛЯС

Старый Званба отару пас
В котловине зеленых гор.
Сверху ястреба рыжий глаз
На отару смотрел в упор.

На вершинах сверкает лед,
Далеко вокруг — ни души.
И Нико в обожженный рот
Опрокинул желтый кувшин.

Выпил весело сок хмельной,
Поглядел на сосуд Нико —
Грянул оземь кувшин пустой.
Черепки летят далеко!

Серый ястреб рванулся ввысь,
Зашатался зеленый вяз,
Водопад загремел —
Держись!
Старый Званба пустился в пляс!

Начал в полдень плясать абхаз,
Кончил — мылась в ручьях заря,
И качал головою вяз,
За лезгинку благодаря...

Топал Званба к жене домой
По ручьям, сокращая путь.
И бараны брели гурьбой,
Пританцовывая чуть-чуть.

КУПАЛА В ГОРАХ

Утром парень с табуном колхозным,
Взяв ружье, ушел высоко в горы,
Где дуга так широки и росны
И темны ущелья у Клухори.

Запылал костер — взметнулись тени.
Тишина.
Нелегкий день окончен...
Но раскрыта книга на коленях —
И не спит парнишка до полночи.

Гаснет пламя: хворост догорает.
Задремал хозяин перевала.
На косматой бурке отдыхает
Высоко под звездами Купала.

ЗА ЗДОРОВЬЕ ГУЛИА

Мгла звенит цикадами,
На ущелье брошена.
И шакал за скатами
Воет, потревоженный.
Хлеб, луной обрызганный.
На пиру в ауле я.
Тамада наш признанный
Рог поднял за Гулиа.
Стариков не спрашивал,
Просто начал речь свою:
— За поэта нашего!
За здоровье вечное!

Видно, прожил гордо он
Жизнь, как чашу, полную,
Если пьет за мертвого
Все селенье горное.

МОРЕ В БУРЮ

Ревет оно, темное, дико,
Баркасы и рыб распугав.
И чайки заходятся криком,
На острые гребни упав.

Никто с ним не думает спорить,
Никто не обидел его,
Но гневно кричит это море:
— Оставьте меня одного!

ПОКИНУТЫЙ ДРУГ

Средь строгих сосен, темных и мохнатых,
Где к водопою путь кремнист и глух,
Не знаю, кто — лесник или пастух —
Дом над ущельем выстроил когда-то.

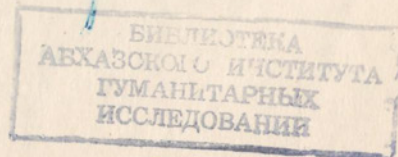
Надежным другом был он в непогоду,
Когда постель сухая дорога.
С одежды грубой отжимая воду,
Смотрел охотник в пламя очага.

Прошли года.
И домик тот заброшен.
И дверь скрипит, как старая арба.
И пастухов сюда с оленьей ношей
Не приведет забытая тропа.

Случайный гость — смотрю на домик этот.
Он одинок в безмолвии своем.
От злого зноя высохнет он летом
И в ноябре разбухнет под дождем.

Не будет здравец. И друзей не будет
Ни в жаркий май, ни осенью сырой...
Идут другие молодые люди
Непроторенной дальнею тропой!

10440

ОБЫЧАЙ

Это делают не из приличья,
 В этом щедрость горской души...
 Жил веками такой обычай
 В сакле каждой, в любой глуши —
 И богатый и бедный равен
 Перед ним.
 И тебе любой
 Рог подарит в резной оправе
 И охотничий нож простой,
 Все, что хвалишь ты ненароком,—
 Серп, папаху или ружье,—
 Жестом искренним и широким
 Он предложит — бери, твое.
 И нисколько не пожалеет.
 Только чести его не тронь.
 Эта щедрость от Прометея,
 Подарившего людям огонь.

ГОЛУБОЕ ОЗЕРО

Есть на Бзыпъ поворот знаменитый.
 Сердцем ты стереги поворот.
 Там вплелись корневица самшита
 В белый камень Юпшарских ворот.
 Там есть озеро — то,
 голубое,
 В обрамленьи зеленых вершин.
 Эту воду возьми ты с собою,
 Как вино,—
 запечатай кувшин.
 Будешь помнить о горной дороге,
 Будешь вечно стремиться сюда.
 Если были когда-нибудь боги,—
 Это их питьевая вода.

СТАРЫЙ КУВШИН

Он валялся за низкой саклей,
Проклиная такое житье,
И просил он у неба хоть каплю
В обожженное горло свое.
Ливень бил по акациям тонким
И кузнечиков в травах глушил...
Свежевымытый,
Черный
И звонкий
Захлебнулся от счастья кувшин!

ЧЕРНЫЕ ГОРЫ

Черные горы в клочьях тумана,
Прижались —
Скала к скале.
Темно, как будто в дуле нагана,
И тесно, как пуле в стволе.
А где-то внизу, вымытый, свежий,
Тянется к солнцу росток,
Цвет осыпают ветки черешен
В желтое птичье гнездо.
Сверкающий катер, пугая бакланов,
Летит по зеленым волнам...
Черные горы в клочьях тумана,
Я не завидую вам.
В небо уперлись острые пики,
Горестны шрамы камней.
Трудно вам,
 трудно —
 гордым, великим —
Жить без людей!

ТОСКА ОДИССЕЯ

Он скитался в просторах морей,
Был в плену у циклопа в пещере...
Отчий край потерял Одиссей —
Разве есть тяжелее потеря?

Схоронив на чужбине друзей,
Силу сердца он в горе проверил.
Днем и ночью искал Одиссей
Незабывтый, потерянный берег.

Шла волна через борт корабля,
Белый парус метался во мраке...
Он под старость увидел поля
И зеленые склоны Итаки.

В мир легенды ушел Одиссей,
Завещая живым свои муки, —
Разве мало сегодня людей
Пребывают в жестокой разлуке?

Разве мало моих земляков
Ищут край свой, от горя слабея, —
И не спит у чужих берегов
Грусть по дому,
Тоска Одиссея!

* * *

Подошли к перрону горы,
Видно, жаль со мной проститься —
Через две минуты скорый
В степи голые умчится.

Пыль глотает поезд скорый
На равнинных перегонах.
А глаза закрою —
 горы
Все грустят в плащах зеленых.

ИЗАБЕЛЛА

Знойный луч обвенчался с лозой,
Чтобы горцев земля не скучала,
И хлопочут резною листвою
Виноградники Бзыпи и Дала.
Тамада!
Первый тост приготовь!
Ничего, что он будет узорен,
Словно ночь, виноград этот черен,
Словно мак, его жаркая кровь.
Толстых лоз непокорный виток
Осыпает плоды на каменя,
В горло льется их солнечный сок
В ночи свадеб и в дни погребенья...
Кто сказал, что он людям не впрок?

СОСНЫ И ЛЮДИ

Мыс Пицундский...
Здесь город стоял,
Белокаменный,
Щедрый
И грозный.
Он, казалось, был вечности вал.
Что осталось?
Зеленые сосны.
Да, зеленые сосны стоят,
Смотрят в небо осеннее, злое.
Море влечит в стволы свой заряд —
Соснам что!
Лишь посыплется хвоя,
Словно тысячелетья назад.
Мыс Пицундский...
Здесь город растет,
Новый город, заложенный нами,
Добрый город с большими домами,
Яркий, словно гранатовый плод!

Город будет на тысячи лет.
Только сосны рубить мы не будем:
Это давние, давние люди
Нам послали зеленый привет!

НА АБХАЗСКОЙ ГРАНИЦЕ

Автобус грохочет на спуске крутом,
Мольбе пассажиров не внимля,
И кажется,

кто-то поставил ребром
Пестро разодетую землю.
Веселое чувство движенья вперед,
С тобою ничто не сравнится!
Шофер понимает, что время не ждет,
Не ждет на абхазской границе.
Горит мириадами искорок-звезд
Речонка на ложе неровном;
Зеленая будка и маленький мост —
Граница, конечно, условна.
Час дня у моста,

по ту сторону — два,
Там время по-своему мчится,
По-своему щедро вскипает листва
И хлещет по окнам и лицам...
И радостной песни простые слова
Летят над абхазской границей.

* * *

Идут года.

Я не веду им счет.

Но жизнь сама мне предъявляет счеты.

И, как тяжелый непослушный плот,

Влетаю я в ее водовороты.

Я знаю, есть такая сторона

У темных скал за горным поворотом...

По мне там плачет женщина одна —

Вот первый счет.

Как заплатить по счету?

Весна играла, склоны зеленыя.

Поехал я с соседом на охоту.

Мне б на тропе не удержать коня —

Сосед помог...

Как быть мне с этим счетом?

Он жизнью рисковал из-за меня.

А память тех, кто больше не придет,
Окончив путь на Волге и на Висле?..
Пожалуй, это самый строгий счет.
Не оплатить его и не исчислить!

Весна играет, вызеленив склон,
Река, как сабля, с птичьего полета...
Вчерашний снег грохочет под уклон.
Жизнь так свежа!
Но счет не погашен,
И трудно жить, не заплатив по счету.

АБХАЗСКИЙ ТАНЕЦ

Как вино молодое, искристый
Древний танец Кодорских земель.
Загорелые наши солисты
Потрясли и Париж и Брюсель.
...Рвался бубен со строгой эстрады
В затаивший дыхание зал,
А танцор то гремел водопадом,
То весенним каштаном шуршал.
Наши парни себя не уронят!..
И в далеких чужих городах
Им в ответ грохотали ладони,
Как обвалы в абхазских горах.

ОРЕЛ ИЗ САМШИТА

Орел из самшита стоит на столе
В уютной и маленькой спальне,
Похож на того, кто в предутренней мгле
Срывается
С грубого камня.

Пожалуй, покрепче самшитная грудь
И крыльев размах идеальной.
Но только обиден и мал его путь —
От магазина
До спальни.

А я бы хотел на живого взглянуть,
Скучая по родине дальней;
Живой, он в осанке небрежной чуть-чуть,
Он проще,
Родней
И печальней.

* * *

Мне б за пазуху спрятать ветер,
В соловьиный свист окунуться,
Сок луны, как вино Кахети,
Из зеленого выпить блюда.

Водопады блестят, как бивни,
А над ними орлы гнездятся...
Мне бы ливнем,
Весенним ливнем
По земле удивленной шататься!..

ЗЕМНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Мерцают звезды в черной мгле.
Их свет струится слабо,
скупю.

А утром звезды на земле,
На стеблях трав,
На листьях дуба.
К светилам дальним

путь не прост —
Пять тысяч лет промчится мимо,
А утром столько ясных звезд
В глазах друзей,
В глазах любимой.

И если скажут мне:
— Веди
Ракету в космос!
Землю брось ты! —
Я спрячу маленькие звезды,
Земные звезды на груди.

ЧЕЛОВЕК

Тяжелой розы влажный лепесток
Лучист и ал, как небо на восходе.
Но вряд ли я гордиться розой мог:
Ведь я во многом уступал Природе.

Но был упрям я.
И за веком век
Я подмастерьем шел к ней
на ученье...

Экзамен трудный сдал я,
Человек,
Дорогой звезд послав свое творенье!

* * *

Это было нелегкое дело.
Рей лопались,
Ветер был груб,
И безмерно был счастлив Колумб,
К побережью пригнав каравеллы.
Ветер снова был крепок и дик,
Драл на простыни парус крылатый,
И на чистый еще материк
Шли торговцы, попы и пираты.
И убийц разрасталась семья,
Как на пленках кино в Голливуде...
Это было с тобою, Земля,
Но с Венерой и Марсом — не будет.
Правом первых и силой своей
Мы не пустим под звездные крыши
По путям человеческих людей
Саранчою летящих людишек!

О СЕРДЦЕ

Под весенними грушами,
Где снует воробей,
Друг, присядем,
Послушаем
Каждый сердце свое.
Было яркое золото,
Был и серый ковыль,—
Сердцем все перемолото,
Перемолото в пыль!
И желанья лучшие,
И чужие слова —
Сколько сердцем пропущено
Под круги-жернова!
Беспокойней метелицы,
Тверже каменных плит
Сердце —
 щедрая мельница
Все гудит,
Все гудит!

* * *

Бродит ветер по просекам рыжим,
Журавли пролетают, трубя.
Я зову, но мой голос не слышен.
Разве он долетит до тебя?

Но когда-нибудь дальней весною,
В землю спрятанный глубже корней,
Позову тебя ветром,
 травую,
Беспокойной трубой журавлей.

* * *

Море отбросит ударом волн,
Встанешь — бледней пергамент.
Снежной лавиной осыпет склон.
В пропасть уложит замертво.
Лавине прощу я —
 она слепа,
Морю прощу —
 не видело...
Но женщина —
Женщина так слаба! —
Словом меня обидела.

ГРУБЕЕТ СЕРДЦЕ

Спросите, люди: кто ему позволил
Щадить себя и забывать людей?
Как хлебобоб бесплодием полей,
Своим я сердцем нынче недоволен.

Чужая боль порой и не тревожит.
Судите, люди!
У меня в груди
Грубеет сердце, как грубеет кожа
На караванном ветреном пути.

Судите, а не делайте уступок:
От сожаленья пользы никакой.
Чужой нарост, пока он свеж и хрупок,
Сдерите с сердца твердою рукой!

* * *

Нет, не буду я медленной смертью
Умирать у людей на виду.
Бытие!
Из твоей круговерти
Я в свой срок веселее уйду.
Не грустя,
 не устав,

 не доспорив,
Я уйду от зеленых земель,
Как прожектор, разрезавший море,
Словно пуля, сразившая цель.

* * *

Высоко над землею — звезды огонек.
Глубоко под землею — гробá...
Нам бы вместе упасть,
Когда выйдет наш срок,
Но по-своему судит судьба.
Я б друзей хоронил
Только в пене морской,
Чтоб не видеть широких крестов,
Чтоб надгробный гранит
Не искрился слезой,
Чтобы не было блеклых цветов.
В штормовую,
Веселую,
Дикую ночь
Я б ходил на гудящий причал.
Ударяя в бетон во всю звонкую мощь,
Ветер
Голосом друга б кричал.
Ранним утром умчался бы ветер
в Стамбул,

Обгнав караван кораблей,
Но ворочала б волны,
Как раньше — судьбу,
Беспокойная сила друзей!

ШОССЕ

Декабрьскою ночью,
Сверкающим утром,
Когда твои клены в росе,
В автобусе мягком,
В машине попутной
Я был твоим гостем,
Шоссе!

У бензоколонок,
В дешевых столовых,
Где хватит закуски на всех,
В кругу шоферов
И случайных знакомых
Я был твоим гостем,
Шоссе!

Здесь есть остановки,
Бывают простои:
Машину иной разобьет...

Но правит здесь сердцем
И дорого стоит
Рабочее слово —
Вперед!

Одних ты уносишь
От милого крова,
Других
Вовращаешь домой.
Тебе не придумали
Дня выходного,
Но ты не знакомо
С тоской.

Я друг твой,
Шоссе!
Ты умаялось за день —
Разделим труды
Пополам:
Бери мои песни,
Давай твои клады,
Пожары рябин
По краям!..

НА САНЧАРСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

На Санчарский крутой перевал
Подниматься охотников мало:
Скользки тропы,
Сорвется обвал,
Прогремит — и тебя не бывало!

Госпитальной его белизны
Не забудут живые солдаты.
Спят здесь рядом с сынами Апсны
С Енисея и Волги ребята.

Плач родных не вторгается в сны,
Да и путь на поминки не близкий...
И блестят чуть повыше луны
Гребни скал, как могил обелиски!

СЫНОВЬЯ

Когда отец его Россией шел,—
Расстегнут ворот,
Пьян и мутен взор, —
Его в одном из разбомбленных сел
Убил отец мой выстрелом в упор.

Семнадцать лет протопали спеша.
Огромный зал..
Народ валит толпой..
А сыновья стоят,
В руках зажав
Клинки.
И скоро должен грянуть бой.

Он начал — я отбил удар прямой.
Родные стены прибавляли сил.
Я победил.
Но странным был наш бой:
Меня обнял он, поблагодарил.

Весенней ночью мы бродили с ним,
Воспоминанья детства гнали прочь.
Он говорил, что другом быть моим
Желал бы он...
И что красива ночь.

Он стал мне другом — будет до конца,
И редким письмам искренне я рад.
Хороший парень, росший без отца,
Убитого семнадцать лет назад.

ПОЭЗИЯ

Хотя мы твердим,
Что она создается,—
Это в труде
Прибавляет нам
Мужества.
Она и без нас
Существует,
Как солнце.
Поэт и поэзия —
Просто содружество.

ВЕЧЕРОМ

Закат по зеленому летит багровый,
Деревьям бы вспыхнуть, как свечи.
Ударился бедный галчонок о провод,
Упал — и помочь ему нечем.

Он клюв открывает, окрашенный кровью,
И смотрит в вечернее небо:
Горят облака, и высоко на кровле
Два голубя кормятся хлебом.

Он смотрит в свой мир,
Что навеки потерял
И так удивительно близок...
А мир этот ярок,
Он в смерти не верит,
Он золото льет по карнизам.

КРУЖИТ ВОРОН

Кружит ворон.
Он живет лет триста
За добычей жалкою в погоне.
Видел смерти он и видел тризны —
Много видел — ничего не понял!
Я моложе, но мудрей, чем ворон.
Шар земной держу в руке, как грушу.
Если я вчера построил город,
Даже в гневе город не разрушу!
Наше время — это подвиг Кастро,
Голос Конго:
Палачей к ответу!
Шар земной,
Ты черный или красный —
И другого не приемлешь цвета!
Я люблю тебя большой любовью,
Так не любит зритель безучастный, —
Если нужно, то своею кровью,
Шар,
Тебя я перекрашу в красный!

12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА

В день, когда правит сердцами
Подвига великолепии,
Ищу я вас и найду!
Хочу говорить я с вами,
Бойцы моего столетия,
Убитые в этом году.
Утром она стартовала —
Чудо отчизны Ленина,
И был человек на борту...
Казалось, вас смерть обокрала,
Бойцы моего поколения,
Убитые в этом году!
В Конго,
Алжире,
Лаосе
Бьются под вашим знаменем
Люди большой мечты.
В Конго,
Алжире,

Лаосе

В землю ушли вы пламенем —
Не отыскать плиты!
Пусть те, что вас пулей метили,
Зная, что сами — смертники,
Спешили, живых хороня, —
В строю вы, мои ровесники,
И вас я зову в свидетели
Неповторимого дня!

ЗЕМЛЯ

Она была просторней в годы Рима,
когда рабы по ней брели, брели...

Теперь

уходят к звездам корабли —
и край Земли мы ощущаем зримо

Мала Земля моя!

Но не на столько,
чтоб ей был в тягость

умный род людской,
чтобы какой-то Бобби или Колька

сметен с нее был
атомной волной.

Земля моя!

Жемчужина Вселенной,
летящая в оправе голубой...

Она бывала мирной и военной,
она бывала щедрой и скупой,

на ней рождаются сказочные розы,
в нее выросли заводы корпуса,

в огромный бубен бьют над нею грозы,
не заглушая птичьих голоса...

Вонзайся в небо в грохоте и гуде —

она тебе останется верна,

и в самые глухие времена

на ней не будет тесно

честным людям!

ГВАРДЕЙЦЫ ЗЕМЛИ

Различна их служба,
Различен наряд.
Шахтеры,
Врачи,
Металлисты...

Но это — испытанный
крепкий
отряд,

И имя его —
коммунисты!

Различны их страны,
Различен язык.
Но знамя багрово и чисто.
И каждый из них

честным
сердцем
велик,

Гвардейцы Земли —
коммунисты!

Чеканят гвардейцы могучий свой шаг,
За счастье людское

в ответе,—

Я знаю,

в надежных,

умелых

руках

Все судьбы на нашей планете!

ЗИМНЕЕ

Чертит мелом
Мороз по пристани.
Белый голубь
на белом
выступе.

Пристань вымерла,
Баржи брошены,
Но не спит Двина,
Запорошена,—
Все клянет свое
Одиночество.
Очень голубю
Лета хочется...
Чтобы солнце,
Взойдя над арками,
Пятерню протянуло
Жаркую;
Чтобы баржи блестели
Бивнями

Под косыми

слепыми

ливнями;

Чтоб тянули,
Как было исстари,
Парни-грузчики
Квас на пристани;
Чтобы в сквере —
Он пуст и гол еще —
Голубей ворковало
Сборище,
И мальчишки —
Смуглы, как желуди,—
Мягким хлебом
Кормили голубя.

БЕЛОРУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Эта трасса Витебск — Минск
Мной давно изучена.
Проплывают под крылом
Синие излучины,
Проплывают под крылом
Города районные
И картофельных полей
Острова зеленые.
Край озер,
Равнинный край,
Ты раздолье древнее
С одиночеством церквей,
С новыми деревнями.
Расстилалась пеплом злым
Ты под войском пановым,
Но сыны на помощь шли,
И цвела ты заново;
Вздыбив к небу города,
Смыв следы пожарища...

Белорусская земля,
Мы с тобой — товарищи!
Может быть, давно б ушел
Без оглядки в горы я,
Но ты смотришь на меня
Тихими озерами...
В буйный лес Авадхары
Я б ушел не мешкая,
Но приветливо шумит
Пуца Беловежская,
Но алеет, как гранат,
Красная смородина...
Белорусская земля,
Ты мне — тоже родина!

СОДЕРЖАНИЕ

Наследство	3
Рыбакам	5
Осеннее	6
Камни абхазского поля	7
Первый снег в горах	8
Олень после боя	9
Самшит	10
Старый Званба пустился в пляс	11
Купала в горах	13
За здоровье Гулиа	14
Море в бурю	15
Покинутый друг	16
Обычай	18
Голубое озеро	19
Старый кувшин	20
Черные горы	21
Тоска Одиссея	22
*** Подошли к перрону горы...	24
Изабелла	25
Сосны и люди	26
На абхазской границе	28
*** Идут года	29
Абхазский танец	31
Орел из самшита	32

*** Мне б за пазуху спрятать ветер	33
Земные звезды	34
Человек	35
*** Это было нелегкое дело	36
О сердце	37
*** Бродит ветер по просекам рыжим...	38
*** Море отбросит ударом волн	39
Грубеет сердце	40
*** Нет, не буду...	41
*** Высоко над землю	42
Шоссе	44
На Санчарском перевале	46
Сыновья	47
Поэзия	49
Вечером	50
Кружит ворон	51
12 апреля 1961 года	52
Земля	54
Гвардейцы земли	56
Зимнее	58
Белорусская земля	60

Юрий Астамулович Лакербая
ЭХО РОДНЫХ ГОР

Редактор *Р. Ерохин*
Художник *Э. Гусейнов*
Художественный редактор
Н. Широков
Технический редактор *Г. Калечиц*
Корректор *И. Мещанинова*

АТ 09719. Сдано в набор 11/XII 1961 г.
Подп. к печати 20/I 1962 г. Тираж
2000 экз. Формат 84×108^{1/64}. Физ.
печ. л. 1. Усл. печ. л. 1,64. Уч.-изд.
л. 1,25. Зак. 668. Цена 6 коп.

Полиграфический комбинат
им. Я. Коласа
Главиздата Министерства
культуры БССР
Минск, Красная, 23.